

]

Цинь Фан вскользь поинтересовался:

— Ты чего сюда приехал?

Син Янь переложил рюкзак на заднее сиденье и ответил:

— По делам.

Он не стал уточнять, а Цинь Фан не стал спрашивать. За окном гремел гром, ливень не прекращался, но в салоне царила приятная атмосфера, создававшая ощущение безопасности, будто они были отрезаны от всего мира.

— Похоже, мы с тобой и правда стали очень популярны, раз уж даже мой отец это увидел, — сказал Цинь Фан и сам же рассмеялся, подумав, насколько всё это забавно: как-то всё вышло само собой, и теперь об этом знает каждый.

Син Янь посмотрел на него:

— О тебе что-то сказали?

Цинь Фан покачал головой:

— Нет.

Син Янь лишь взглянул на него, после чего в машине надолго воцарилась тишина. Наконец Син Янь нарушил её, произнеся негромко:

— Ты не должен был слышать то, что я сказал в тот день.

Цинь Фан переспросил:

— Что именно?

— Ты тогда уже спал, — ответил Син Янь.

— А-а, — Цинь Фан кивнул. — Ты про то, чтобы я перестал расчёсывать?

Цинь Фан снова поставил Син Яня в тупик одним лишь предложением — в последнее время с его уст то и дело слетали подобные фразы.

Син Янь помолчал довольно долго, прежде чем снова заговорить:

— Я думал, ты спишь.

Цинь Фан посмотрел в окно и с легкой, безысходной улыбкой ответил:

— В тот момент я действительно очень хотел спать, но не вырубился до конца. Твои слова я слышал.

У этой фразы был подтекст: я слышал, что ты говорил, и я знал, что ты делал помимо этого. Оба прекрасно поняли, о чем речь, и обычно в таких случаях больше ничего не говорят, но Цинь Фан зачем-то решил договорить:

— Я хотел ответить, но потом ты меня поцеловал, и я побоялся подать голос. В любом случае, я тогда был совсем никакой от усталости, так что можешь считать, что я спал.

Произнеся это, Цинь Фан первым же в душе и посмеялся над собой. Месяц назад он ни за что бы не смог такое сказать, но теперь всё изменилось: после того, как столько времени проводишь рядом с Син Янем, начинаешь относиться к подобным вещам гораздо проще.

Что уж говорить о самом Син Яне — он не раз целовал его на глазах у других и уж точно не боялся, что Цинь Фан о чем-то узнает. Поэтому он лишь спокойно отозвался «угу», ничуть не смутившись.

Цинь Фан посмотрел на него:

— Ты сказал «перестань расчёсывать», и хотя я не до конца понял, что ты имел в виду, кое о чем я догадался.

Из дефлектора прямо в лицо дул теплый воздух. Син Янь слегка подправил створки и спросил:

— И до чего же ты догадался?

Цинь Фан закусил губу:

— Мне не нравится то, к чему я пришел, поэтому не хочу об этом говорить.

— Рассказывай, — настоял Син Янь.

— Я решил, что встретил игрока, который, кажется, зашел слишком далеко и теперь не может остановиться.

Цинь Фан смотрел прямо на Син Яня, его подбородок слегка напрягся, но затем он снова улыбнулся, покачал головой и добавил:

— Просто догадки, можешь не говорить, прав я или нет.

Син Янь промолчал, и Цинь Фан продолжил:

— Но теперь ты уже не сможешь меня остановить. Расчесываю я или нет — это уже моё дело, и решать, играть дальше или нет, будешь не только ты.

На самом деле у Цинь Фана сегодня было не лучшее настроение, и Син Янь почувствовал это, как только тот сел в машину. Сегодня Цинь Фан был острее и агрессивнее, чем обычно.

Молчание Син Яня заставило атмосферу в машине слегка уплотниться. Цинь Фан прочистил горло и сказал:

— Может, в этом плане я немного тугодум, но я никогда не относился к тебе поверхностно. Я очень серьезен.

— Я знаю, — ответил Син Янь.

— Во-первых, ты мой брат, — Цинь Фан притормозил на красный свет. — Ты не какой-то случайный человек. И даже если ты скажешь, что с самого начала не хотел быть мне просто другом, та забота, которую ты проявлял, была настоящей.

Дождь на улице не прекращался, казалось, небо решило вылить всю воду, которую задолжало за последний месяц. Все машины включили аварийку, небо начало темнеть.

— Я не отвечал тебе не для того, чтобы тянуть время. Наоборот, именно потому, что это ты, я должен быть максимально осторожным.

Загорелся зеленый, Цинь Фан плавно тронулся с места. Говоря это, он слегка повернул голову к Син Яню, его темп речи был размеренным, а голос — спокойным:

— Сам знаешь: некоторые отношения, раз изменившись, уже никогда не станут прежними. Если оступишься — пути назад не будет.

Возможно, дело было в погоде, а может, в том, что Син Янь первым поднял эту тему, но Цинь Фан выложил всё разом. Он и сам удивился: он обычно не любил делиться сокровенным, но сегодня говорил то, что было на сердце.

— Поэтому я не могу принять решение на эмоциях. То, насколько ты мне дорог и насколько важны эти отношения, заставляет меня тщательно всё обдумывать перед следующим шагом.

В кармане завибрировал телефон — видимо, пришло сообщение. Цинь Фан мельком взглянул на экран и небрежно отложил телефон в сторону.

Син Янь всё это время молчал, внимательно слушая.

— Всё, что я тебе говорил, — правда. Я никогда не водил тебя за нос, — Цинь Фан слегка улыбнулся, глядя вперед. — Мне... мне правда очень хочется быть с тобой добрым.

Признаваться в таком «натуралу» было непросто. Цинь Фан потер нос, глубоко вдохнул и закончил:

— Ты довольно... соблазнительный, крутой парень. Я сказал всё это, чтобы ты знал: если хочешь отступить, уже поздно. Ты втянул меня в эту игру, я уже вошел, а теперь решать, будем ли мы играть дальше и по каким правилам, буду я.

Син Янь по-прежнему молчал. Он повернул голову, чтобы посмотреть на Цинь Фана. Тот встретился с ним взглядом и приподнял брови.

Такой Цинь Фан казался немного чужим. В прошлый раз в спортивном зале он в ярости кричал, спрашивая, неужели без гейства они не могут быть братьями, но сегодня он не злился, даже улыбался — и при этом был подчеркнуто властным.

Властным, но не давящим. Каждое слово, слетавшее с его губ, было искренним.

В любом своем проявлении он заставлял сердце биться чаще.

Син Янь долго смотрел на него. Цинь Фан не отводил взгляд, чувствуя себя абсолютно непринужденно, и даже с усмешкой спросил:

— Ну что, я суперкрут?

— Су-упер крут, — подыграл ему Син Янь, растягивая слова для пущего эффекта.

Цинь Фан рассмеялся так, что плечи затряслись:

— Я тоже так думаю. Я суперкрут.

Цинь Фан подвез Син Яня до общежития. Прежде чем тот вышел, он окликнул его. Син Янь оглянулся, а Цинь Фан подмигнул:

— Хочешь отступить — твое дело. Но если я определюсь со своими чувствами, то вытащу тебя откуда угодно, как бы далеко ты ни ушел. Просто хочу предупредить: любовь можно доверить судьбе, всё в руках случая, и любой исход — не ошибка. Но если ты вздумаешь играть со мной, если будешь неискренен, я могу тебя побить.

Цинь Фан пристально посмотрел ему в глаза и добавил серьезно:

— И тогда забудем о том, что мы братья — будем драться насмерть, потому что я бываю супержестоким.

Супержестокый Цинь Фан сохранял каменное лицо. Син Янь смотрел на него, и уголки его губ дрогнули в улыбке. Он поднял руку, потрепал Цинь Фана по голове, а затем, опустив ладонь ниже, легко сжал его шею. Цинь Фан вдруг почувствовал себя как Цзянь Муян, которого он сам часто так тискал.

Ладонь у Син Яня была горячей. Несмотря на двусмысленность жеста, Цинь Фан должен был признать, что это чувство ему приятно. Син Янь убрал руку, взял рюкзак и куртку, лежавшие на заднем сиденье, и, улыбнувшись, сказал:

— Пойду.

Он вышел из машины. Когда он вошел в здание, Цинь Фан всё еще не уехал. Син Янь обернулся, помахал ему рукой и побежал по лестнице. Когда человек красив, любые его движения смотрятся эстетично — даже самые обыденные вещи в его исполнении выглядели по-особенному круто.

«Подсел», — подумал Цинь Фан, разворачивая машину и упрекая самого себя.

После того видео в сети Хуа Тун не мог вести себя с Цинь Фаном как прежде. Хотя Цинь Фан уверял его, что они с Син Янем по-прежнему просто братья, Хуа Тун всё равно чувствовал, что его друг изменился.

— Пересядь на ту сторону, — сказал Цинь Фан.

— Зачем? — удивился Хуа Тун.

— Боюсь, что если ты пойдешь ближе, тебя заденет машиной, — ответил Цинь Фан. — Или ты боишься, что если подойдешь ближе, я ущипну тебя за задницу?

— Твою ж... — Хуа Тун пришел в себя и прижался к Цинь Фану, идя рядом. — Может, мне штаны снять, чтобы тебе удобнее было?

— Не, не буду. Некрасиво, — Цинь Фан покачал головой. — У нас, геев, вкусы выше неба.

После того случая с видео Цинь Фан постоянно подкалывал себя подобным образом. Все вокруг всё равно решили, что у них с Син Янем «всё так и есть», и считали его каминг-аут свершившимся фактом, а Цинь Фан не возражал — почему бы и не поболтать?

— Смотрю, у тебя на Weibo куча подписчиков добавилось, уже за две тысячи перевалило, —

сказал Хуа Тун.

— Уже три тысячи, я теперь интернет-звезда, — отозвался Цинь Фан.

— А рекламу сможешь брать? Возьмешь какой-нибудь заказ, и мы сгоняем куда-нибудь отдохнуть, — предложил Хуа Тун.

<http://bllate.org/book/18141/1744632>